

К Р О К О Д И Л

К 556 / 411

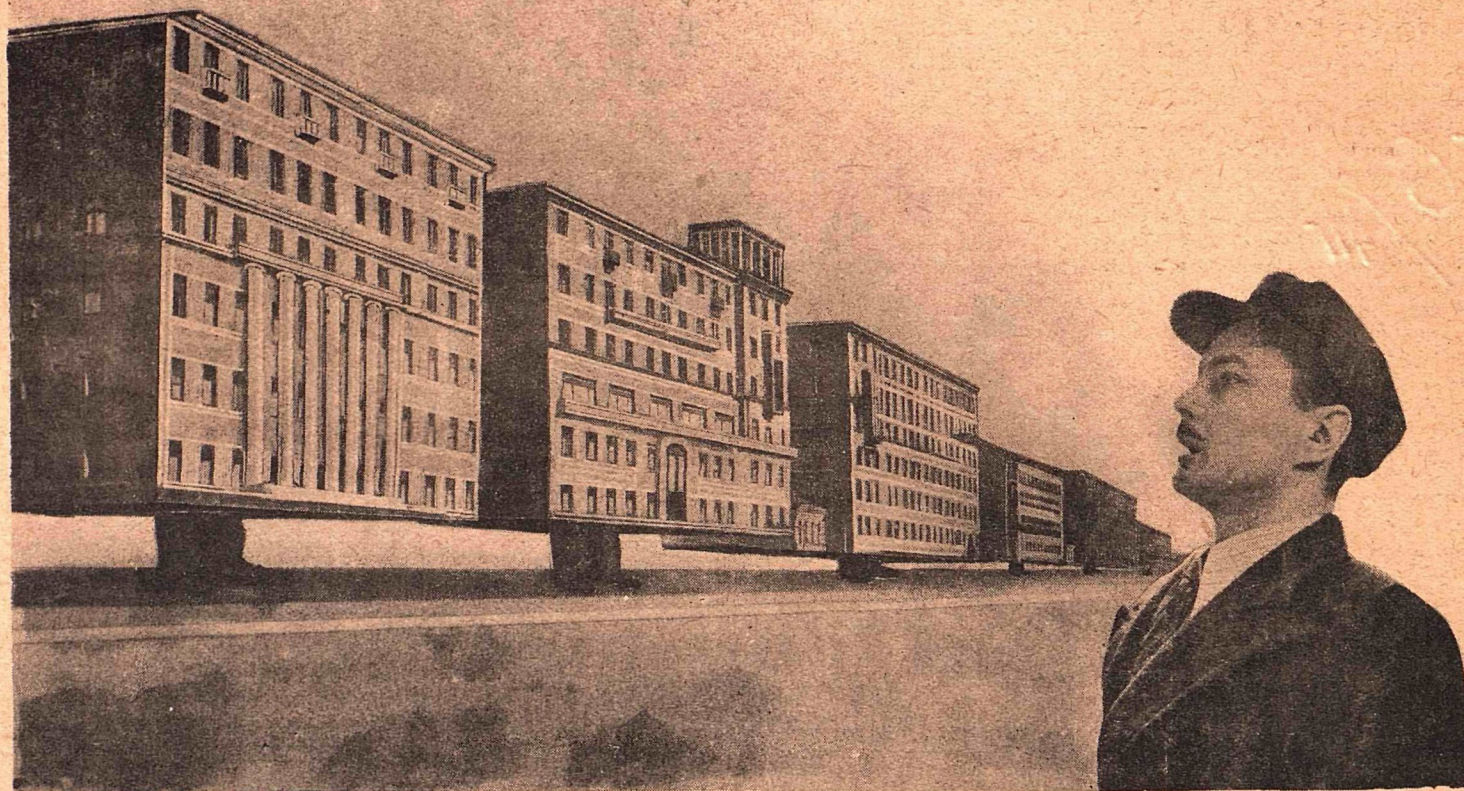

Рис. К. Елисева.

В СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКЕ

— Помню, когда меня выбрали в сейм, никто не говорил, что я лучший сын народа.
— Зато ты мой лучший сын. Я всегда писал на вывеске: „Банкирская контора Взломайтис и сын“.

Фотомонтаж Б. Клинка

ИНЖЕНЕР ГЕНДЕЛЬ: — Смирно! Правое плечо вперед, шагом арш!

Коммерческая операция

НЕДАВНО мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

В комиссионном магазине продавалась хорошая стоячая вешалка с зеркалом.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы решили где-нибудь перехватить некоторую сумму до 1 апреля. Но поскольку нам не удалось это сделать, то мы пришли к решению — продать один мой лишний выходной костюм.

Не скажу, что этот костюм был новенький, или, как говорится, с иголки. Некоторое количество дырок и пятен имелось, но уж не настолько, чтоб его нельзя было назвать костюмом.

Слов нет, брюки были нехороши. Не хватало пуговиц. И позади от пояса был отрезан кусок материи на починку нижнего отворота, случайно оторванного в автобусе. И вдобавок не хватало одного хлястика, тоже оторванного, как говорится, «с переляку» во время крымского землетрясения в 1927 году.

А пиджак был еще ничего себе. И даже, может быть, сам Форд не погнушался бы носить его во время затемнения.

А что брюки и пиджак давали между собой такую разницу, то это оттого, что пиджак я носил раз в году, а брюки трепал ежедневно и даже по несколько раз в день.

Первоначально мы с женой имели намерение заложить наш костюм в ломбарде. Но нам не хотелось длинной канители, и поэтому мы упростили коммерческую операцию: отнесли товар на скупочный пункт.

Заведующий пунктом, осмотрев наш костюм, не проявил ни радости, ни горя. Осмотрев, он, как бомбу, отбросил его от себя и при этом буркнул: «Семьдесят!»

А мы с женой мечтали получить сто и поэтому сказали заведующему:

— Огляните лучше и дайте ту божескую цену, какую заслуживает наш товар.

Осмотрев еще раз, заведующий сказал:

— Нет, я не ошибся. Более семидесяти ваша вещь не потянет. Дырки. Пятна. Хлястика нет. И штаны как решето.

Эта сумма нас с женой не устраивала. И поэтому, взяв костюм, мы отправились домой.

И двое суток приводили этот костюм в христианский вид.

Мы пришили хлястик и пуговицы. Заштопали дырки. Вывели пятна. И отутюжили костюм. И, полюбовавшись на него, снова отнесли на скупочный пункт.

Однако заведующий, осмотрев костюм, сказал: «Пятьдесят».

Откровенно вам сказать, мы были ошеломлены и растеряны. Мы сказали:

— Еще позавчера вы давали семьдесят. А ведь тогда были дырки, пятна и хлястика не имелось. А сейчас, когда костюм с иголки, вы даете пятьдесят. Как же так, уважаемый?

— Не знаю, — сказал заведующий, — не помню, чтоб я давал семьдесят. Более пятидесяти ваша вещь не тянет. Говорю вам это как специалист, шесть лет проработавший в этом.

Мы с женой хотели было тут же оторвать от брюк пугвицы и хлястик для того, чтобы вызвать прежнюю цену. Но заведующий сказал:

— Боже сохрани вас это делать! В противном случае более десяти рублей ваша вещь не потянет.

И тогда мы с женой, рассердившись, пошли в другой скупочный пункт. Но там оценили нашу вещь еще того меньше, в тридцать рублей.

Мы вернулись в первый магазин для того, чтоб получить то, что давали. Однако заведующий, не узнав нас, сказал:

— Не скажу — сто, но рублей девяносто ваш костюм тянет. Но только — увь! — на сегодня мы уже расторгнулись, и в кассе больше нет ни сантима.

Мы с женой вернулись домой и решили вешалку не покупать.

Но вскоре к нам пришел один наш знакомый и, узнав, что продается костюм, купил его за сто десять рублей в рассрочку. Двадцать шесть рублей он нам дал, а остальные обещал после праздников и уж, во всяком случае, не позднее весны.

И мы решили ждать, поскольку вешалка нам уж не так нужна, не дозрела.

Заслуж. деят.

М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

Метла

(Басня)

По комнате пройдемся,
Метла изрядно напылила
И молвила, своим усердием гор-
дась:

— Лицом я не ударю в грязь,
Хочу, чтоб в доме чисто было!
Едруп, тоненький, как волосок,
Раздался голосок:
— Какой вам дан талант чудесный!
Ваш темперамент так горяч!
А фразы! — словно лучший ткач
Искусно ткет узор словесный!
Мне нравится ваш клич — всегда
быть на посту,

Зовете вы без многословья
Стремиться в бой за чистоту,
Которая — залог здоровья...
— В чем сердце отзывок
нашла? —

Воскликнула метла,
Тряхнув прической пышной.
— Я в двух шагах от вас, в тени
Под лавкой, коротаю дни, —
Отвечил голосок чуть слышный,
Метле воздавшей похвалу.
Ужо десятый день в углу
Лежал окуроч на полу.

* * *

Наднях мне встретилась метла,
И, вы представьте сами,
На этот раз она была
С глазами, носом и усами.

В. ИВАНОВ

Прощальный набор

БЕЗУСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Рис. В. Васильева

К чему выдумывать «сюжетные линии», рефрены, концовки и всяческие «ходы» для лирических песен, когда к услугам некоторых наших песенников имеются готовые наборы на любые темы.

Есть недурной набор «разлучный»; есть «встречный»; есть «чувствительный», «со слезой», под фирмой «То, что было прежде мило»; есть «прощальный» набор.

В этот «прощальный набор» входит:

Один отъезжающий.
Одна провожающая.
Один конь.
Одна купава.
Одна ракета.
Один платок.

Возможные варианты:

Вместо одной купавы одна яблоня и вместо одной ракеты одна рябина.

Если не ошибаемся, «шестые с платком» начали Долев и Данцигер.

Уже в третьем куплете «Краснофлотской песни» авторы прибегают к испытанному в старых сентиментальных романах средству:

*«Как прощались
мы в Кронштадте,
Цепь отгромыкала.
Ты стояла в белом платье
И платком махала.»*

В эстафетном беге за доходчивым рефреном у Долева и Данцигера платок перехватил Сергей Островой.

В его песне «В путь-дорожку дальнюю» читаем:

*«Я на кончик пики
повяжу платочек,
На твой на синие
погляжу глаза.
Как взмахнет платочек,
я всплакну чуточек...»*

В песне «Подруга машиниста» автор текста Я. Родионов пишет:

*«Этим паровозом
Милый управляет...
Девушка махнула
Вышитым платком.»*

Этот же Родионов в другой своей песне — «Друзья, досвиданья!» — одним платком уже не удовлетворяется:

*«И вот уже вагоны
Прощаются с перроном,
Вспорхнули стайкой белые платки...»*

Автор Чуркин написал песню, специально посвященную платку. Песня так и называется — «Голубой платок».

Вот отрывок из этой песни:

*«Попрощался и расстался,
Поезд мчался на Восток,
Долго вслед ему плескался
Голубой ее платок.»*

Поэт Сергей Васильев в песне «Ты напрасно не сердчай», между прочим, пишет:

*«Я измяла весь платок,
Пять баранок скушала —
Не гудит ли твой гудок,
Все стояла, слушала.»*

Знаменательно, что почти все только что приведенные тексты «платочного цикла» помещены на страницах одного и того же сборника, изданного Трансжелдориздатом под названием «С песней в путь». Правильнее было бы — «Со стандартной песней в путь».

Казалось бы, что редактор сборника, читая дежурную песню; где очередной персонаж махнул очередным платком, должен был махнуть рукой на автора.

Но редактор сдавал этот набор — в набор.

СТАРИННЫЙ ПОЭТ

— Не бойся, не бойся, Лидочка: эта собачка не игрушечная.

АЙ ДА РЫЖИЙ!

Недавно в Чебоксарах состоялось чествование памяти чувашского поэта-классика К. Иванова. Приехали гости, журналисты, фоторепортеры. Приехал и оператор «Союзкинохроники» Амиров.

Захотелось тов. Амирову зафиксировать на пленке несколько наиболее ярких кадров юбилея. Послал Амиров в Москву телеграфный запрос: дескать, что посоветуете снять? «Союзкинохроника» оперативно ответила: «Юбилейного торжества отказываемся. Снимите кинопортрет поэта».

Телеграмму эту подписал редактор тов. Ры-

жий, который решил, видимо, одним мощным ударом раз и навсегда покончить с недопустимым отставанием хроники от событий.

Однако, получив телеграмму, Амиров затряса нервной дрожью и беспомощно развел руками...

Тов. Рыжий! Наложите взыскание на Амирова: не снял он кинопортрета поэта. Сослался Амиров на объективные причины.

Дело в том, что чувашский поэт К. Иванов скончался ровно 25 лет тому назад!..

Опять опоздала «Союзкинохроника»!

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ПРИРОДЫ

Рис. Н. Радлова

ШОФЕР: — Ах, как жалко! Такая была красивая березка!
ПАССАЖИР: — А что вы еще проходили на шоферских курсах, кроме ботаники?

Красивая жизнь

— Познакомьтесь, Леопольд Иванович — человек, который умеет красиво жить.

Чепраковы отлично помнят, что именно так им представил Леопольда Ивановича кто-то из общих знакомых.

До знакомства с Леопольдом Ивановичем Чепраковы считали, что они тоже умеют жить не хуже людей и что их жизнь не лишена некоторой красоты. Но после этого знакомства их маленькие семейные радости стали казаться им жалкими и наивными. Особенно сильно почувствовала это жена Чепракова, впечатлительная и нервная Наташа.

— Ваш телефон? — между прочим, спросил Леопольд Иванович.

Но у Чепраковых не было домашнего телефона. Леопольд Иванович удивился и сочувственно покачал головой, главным образом обращаясь к Наташе.

— Как можно жить без телефона? Не представляю! Тогда запишите мой номер: В1... Позвоните и заходите за мной, без претензий. Живу я холостяком, но квартира у меня замечательная: три комнаты, газ, ванна. Может быть, вы интересуетесь аквариумами? Так у меня целых два. В одном золотые рыбки, а в другом — такой миниатюрный аллигаторчик, мой любимец. Я ведь, знаете ли, ба-альшой оригинал. К тому же от жизни надо брать все. Заходите, право!

Когда Чепраковы остались одни, жена посмотрела на мужа холодными, строгими глазами, как смотрит взъясательный экзаменатор на провинившегося школьника.

— Ну, матушка, — развел руками Чепраков, — я от жизни аллигаторов брать не собираюсь.

— Дело не в аллигаторе, — сухо и значительно сказала Наташа, — дело в том, что у холостяка три комнаты, ванна, газ, а у нас? Просто человек умеет красиво жить...

На другой день, вечером, они пошли в театр. — Места как будто ничего, семнадцатый ряд, середина, — сказал Чепраков.

— Очень хорошие, — согласилась жена. — Когда близко, — грим видно.

Первое действие они смотрели с удовольствием, а в антракте рассматривали публику. Вдруг Наташа прищурилась и сказала:

— Посмотри-ка, кажется, это Леопольд Иванович...

Действительно, откуда-то из первых рядов поднялся и пошел по проходу Леопольд Иванович с томным и скучающим лицом.

— Не гляди в его сторону, — поспешно сказала Наташа, — мне не хочется, чтобы он нас видел.

— Можно подумать, что тебе совестно, что мы сидим в семнадцатом ряду, — начал было Чепраков, но Леопольд Иванович уже заметил их и подошел.

— Счастливые, — сказал он, снисходительно улыбаясь. — У вас, наверное, хорошее зрение. А я вот дальше третьего ряда не вижу: близорук. А, впрочем, балет лучше смотреть вблизи. Мои обычные места — второй, третий ряд. Это уже все знают. Кстати, рядом со мной есть свободное кресло. Не хотите ли пересестись?

— Нет, нет, спасибо, — отказалась Наташа. — Мне тут отлично.

Во время второго действия она едва смотрела на сцену.

— Разве тебе не интересно? — спросил Чепраков.

— Что же тут интересного, когда из-за чужих голов я не вижу ног?

Они замолчали и не обмолвились больше ни одним словом до самого конца спектакля. Когда они вышли из театра, моросил дождь вперемежку со снегом.

— Вызовем такси или побежим скорее на остановку, вернее будет, — сказал Чепраков.

Их обогнала сиреневая машина, они узнали слегка надменный профиль за стеклом: это был Леопольд Иванович.

— Я пойду домой пешком, — дрожащим голосом сказала Наташа.

Она только и смогла произнести эту фразу. Чепракову показалось, что она проводила сиреневую машину слишком долгим взглядом. Немного погодя Наташа сказала:

— Я насквозь промочила ноги. Нет, мы не умеем красиво жить...

Однажды Чепраковы шли по улице.

— Кажется, это опять Леопольд Иванович, — сказала Наташа, привычным жестом поправляя локоны.

Перед ними шли двое, и один действительно был похож на Леопольда Ивановича. Он поддерживал под локоть своего тучного спутника, говорил робким голосом и заискивающе похихивал.

— Нет, это не Леопольд Иванович, — сказала Наташа.

В это время тучный махнул рукой:

— Надоели вы мне, Леопольд, честное слово! Клянчите, скулите, канючите... — и они вошли в театральный вестибюль.

— И мы войдем, — настойчиво сказал Чепраков.

— Неудобно, — запротестовала Наташа.

— Нет уж, матушка, мне теперь все удобно!

Они вошли в вестибюль и остановились в нише у кассы. Леопольд Иванович стоял к ним спиной и держал тучного спутника за рукав.

В МТС

Рис. Е. Ведерникова

— Ах, беда!

— А что, опять не прислали запасные части?

— Да нет, прислали. Теперь не на что будет сылаться.

— Ну, я вас прошу! Ну, я умоляю вас, дайте мне еще одну единственную контрамарочку.

— Чисто банный лист, — сказал тучный администратор. — На-те, шут с вами, но если кто на это место придет, вы оттуда кубарем! Понятно?

— Ну, господа! — всплеснул руками Леопольд Иванович. — Не в первый раз. Спасибо вам, большое спасибо, искреннее спасибо...

Он говорил «спасибо» до тех пор, пока спина тучного администратора не скрылась в темном коридоре. Тогда он справил галстук, подошел к автомату и, не замечая Чепраковых, набрал номер.

— Захар Архипыч дома? Попросите, скажите, что по важному личному делу, — некоторое время он ждал и нервно сучил ногами, потом лицо его приняло заискивающее выражение: — Захар Архипыч? Здравствуйте, Захар Архипыч! Захар Архипыч, о чем я вас хотел просить? Нельзя ли вашей машинкой нынче воспользоваться? Что? Ах, нет, не пишущей, нет. Я хочу сказать: зисиком. Нельзя? Да... Прямо на полчаса. Ага. Сначала тещу вашу на вокзале встретить? Ну, господа, какой может быть разговор! Встречу, доставлю. Не поломать? Что вы, Захар Архипыч, за кого вы меня считаете! Ни тещу, ни машинку, все будет в исправности. Бесконечно вам призн... — очевидно, Захар Архипыч псевесил трубку.

— Пойдем, — тихо сказала Наташа, но муж снова втянул ее в нишу возле кассы. В вестибюль вошел маленький брюнет.

— Боже мой, вот кого я мечтал встретить! — набросился на него Леопольд Иванович.

В ответ брюнет не выразил ни удивления, ни радости, но Леопольд Иванович продолжал восторженно:

— Думал о вас, звонил, даже во сне видел. Говорят, вы уезжаете с труппой на Дальний Восток? На 10 месяцев? Ну, вот видите! А с квартирой как же? Ваша-то квартира! Цветы, ковры... Если хотите, могу подомовничать. Я сейчас у профессора Портулакова домовничаю, старик за границу уезжал, да вот беда: возвращается!

— Это можно бы, — нерешительно сказал брюнет. — Только у меня дедушка остается параличный и доberman, огромный такой пес.

— Кусается? — деловито спросил Леопольд Иванович.

— Кто? Доberman? Нет, что вы, чудесная собака, лапу дает.

— Господа! — радостно воскликнул Леопольд Иванович. — Да это — счастье какое-то, райское блаженство: тихий дедушка, благородная собака. Я у Портулакова аллигатора, паскуду такую, воспитывал, и то ничего! Значит, завтра я к вам и монетки перетащу.

Они расстались, и тут Леопольд Иванович заметил Чепраковых. Он нервно потрогал галстук и спросил:

— Когда это вы вошли? Как же я вас не заметил?

— Только что, — сказала Наташа, — зашли поглядеть, не открыта ли касса.

— А! — облегченно вздохнул Леопольд Иванович. — А я тут с приятелем встретился. Я, знаете ли, на новую квартиру переезжаю. О, много лучше прежней, запишите телефон. И, кстати, купил собаку, роскошный такой балтерман...

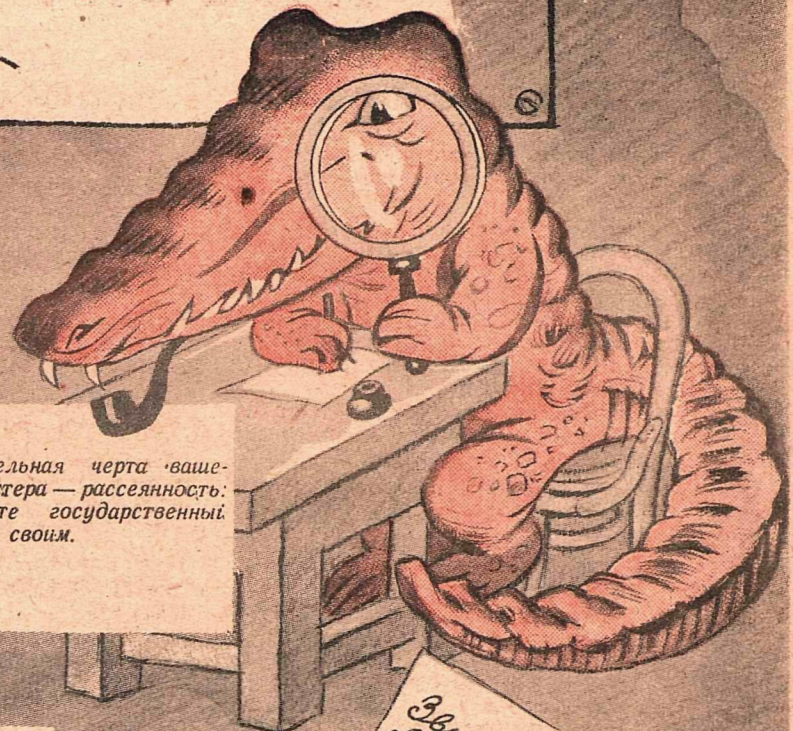
— Доberman, — мягко сказал Чепраков.

— Именно, — согласился Леопольд Иванович. — Породистая собака необходима для человека, который умеет красиво жить...

В. КАРБОВСКАЯ

Определение характера и предсказание будущего

по почерку

*Отметки
за отчеты*

СЧЕТ:
КОТДЕЛКА КВАРТИРЫ - 25.000.
ПОКУПКА МЕБЕЛИ - 41.000.
" " " " КАРТИНЫ - 18.000.

Отличительная черта вашего характера — рассеянность: вы путаете государственный карман со своим.

*Мудри
Дмитрий
Михай
Павел*

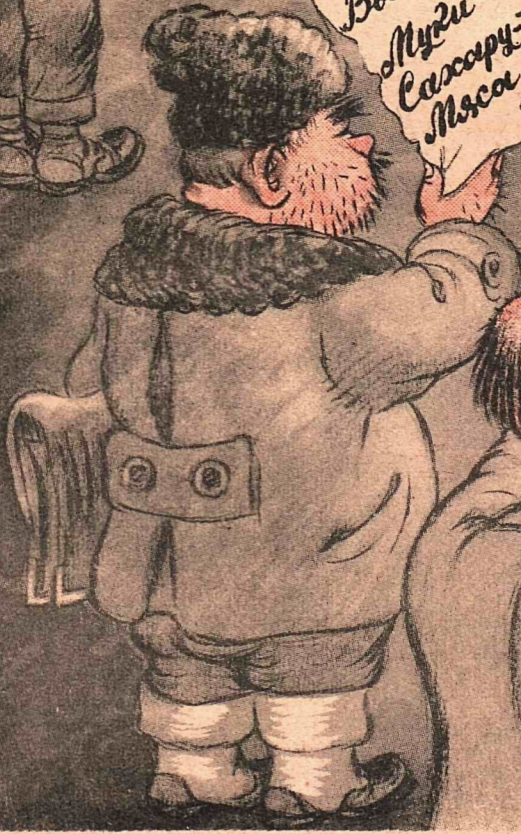
Беспечный характер и у тебя, мальчик, и у твоих родителей и педагогов.

Предсказание вашего ближайшего будущего смотрите в Уголовном кодексе (статья 116).

*Восх!
Выдай ему:
Муку - 1 пуд.
Сахару - 1 пуд.
Мяса - 1 пуд.
Плетя*

Характер ваш устойчивый, спокойный. У вашего редактора, очевидно, — то же.

*Решения
На уровне
Невина В.
На должной
высоте
менор у.
На высоте
был директор*

*Дорогая Ванда
Я задыхаюсь
Душа ищет
нового
Прощай.*
25/11/40

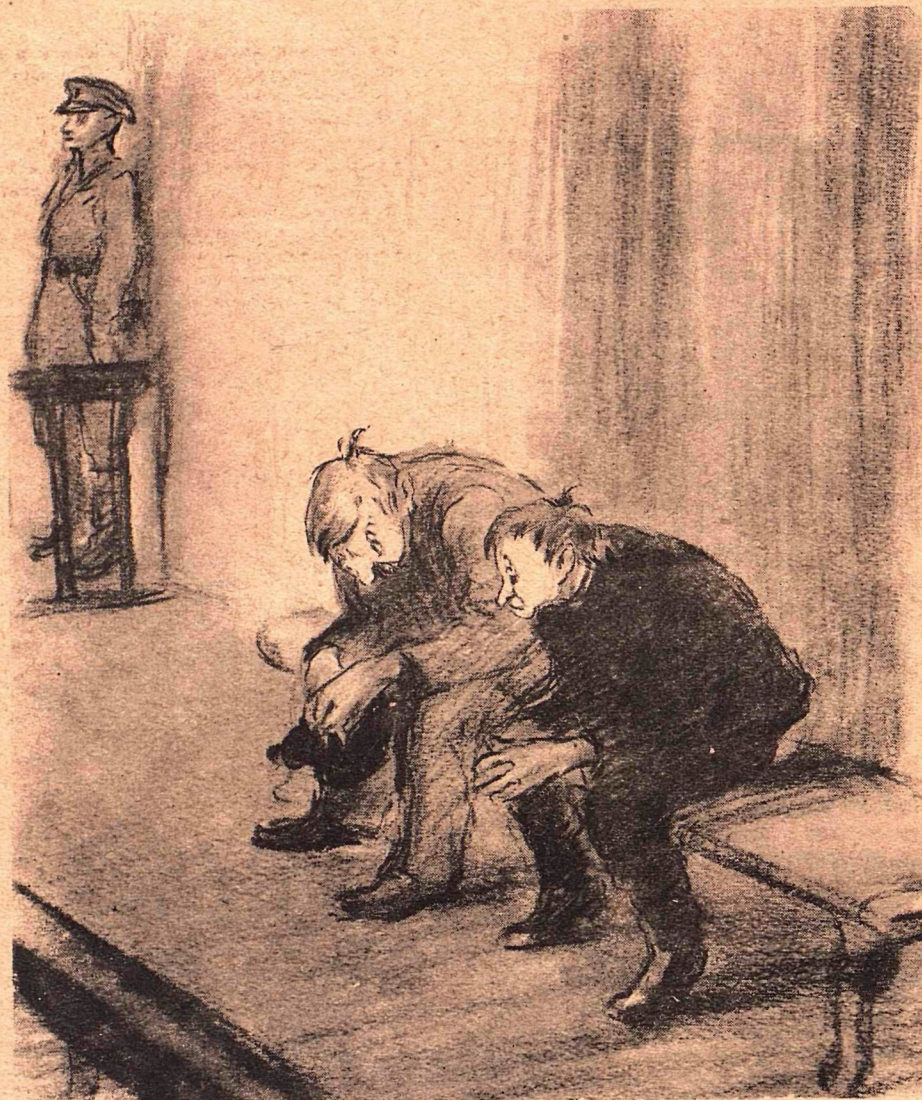
*Дорогая Зина
Я задыхаюсь
Душа ищет
нового
Прощай.*
2/11-40

Ваш почерк говорит об умелом подходе к людям и еще более умелом уходе от них. Вы, очевидно, утомлены раздражающими вас душевными переживаниями. Вам нужно отдохнуть, посидеть... года два — три.

Рис. Д. Дубинского

— Сбыли мы двенадцать ящиков вина на сторону, а теперь... Недаром говорят, что алкоголь в больших дозах отнимает у человека пять лет жизни!

— Так у нас же не отнимают! Нам дадут пять лет.

СРОЧНЫЙ ЗАПРОС

Работники рыбинской артели «Утильпром» не могли нахвалиться своим бухгалтером тов. З. Кое-кто поспешил даже официальным письмом за № 26/100 поделить свои впечатлениями с Юрьевским объединением областного треста Росглавхлеба, где раньше работал тов. З.:

«Рыбинская Артель Утильпром ставит Вас в известность, что бывший Ваш сотрудник З. работает бухгалтером нашей артели. Сдал квартальный отчет на отлично и досрочно. Одновременно учится в авиатехникуме на вечернем отделении и вообще пользуется хорошим авторитетом среди сотрудников нашей конторы. Сегодня под его руководством состоялся коллективный просмотр кинокартины «Любимая девушка».

Одним словом, всем был бы хорош тов. З. Вот только небольшой недостаток нарушает полную гармонию. И это обстоятельство весьма удручало его ныне сотоварищей:

«Одновременно просим срочно сообщить о его семейном положении, а именно: женат или нет, так как он себя выдает за женатого, что нас очень беспокоит, в виду того, что наш коллектив состоит из девушек и все свободные».

Мы не знаем, что ответили из Юрьевца. Но совершенно очевидно, что коллектив артели «Утильпром» явно дал маху. О семейном положении тов. З. следовало бы выяснить со всей тщательностью до его поступления в артель. Теперь же от этого одно беспокойство. Будет наука — впредь принимать лишь строго проверенных холостяков.

УСПЕХ ОБЕСПЕЧЕН

«Сегодня заканчивает свои концерты артист Государственной филармонии Л. Креков. Чувашия видела подленьго мастера высококультурного чтеца и мастера сатиры который сумел завоевать успех среди контингента зрителей профессуры Советского студенчества служащих и рабочих гор. Чебоксар.

Его простота дикция доводит до глубины понятия всех его исполненных произведений в программе классика, юмор. Авторы Салтыков-Щедрин, М. Зощенко, Шолохов, В. Катаев и др.

Составляют вполне литературный багаж классических произведений считая, что такие мастера должны в пределах Чувашской филармонии бывать как можно чаще».

Такие дифирамбы артисту Крекову может прочесть всякий на афишах, отпечатанных в типографии Ядринского райсовета.

Мы не можем ничего дурного сказать о том успехе, который сумел завоевать артист Креков «среди контингента зрителей профессуры Советского студенчества служащих и рабочих гор. Чебоксар».

Тот факт, что артист Креков рискнул воспользоваться столь мало высококультурной афишей, свидетельствует, что он кроме этого стремится завоевать успех среди всего «контингента» читателей Крокодила:

Малютка

ВЕЧЕР был, сверкали звезды.

Шел по улице малютка, а малютке тридцать лет.

Встретил малютка прохожего. Развернулся и, не говоря худого слова, огрел его по затылку. Потом на суде, бия себя перстами в прудь, он говорил сладчайшим голосом:

— Товарищи судьи! Разве я хулиган или что-нибудь подобное?! Неужли я способен так, вообще, за милую душу звиздануть хорошего человека?! Не отрицаю: конечно, я этого невинного гражданина действительно того-с... Но зачем я это сделал? Верьте благородному слову: не из озорства, а из чистого гражданского чувства. Решил я, значит, проверить бдительность постового милиционера: смотрит ли он, чтоб никаких безобразий не было, или же дремлет на посту. Ну вот для проверки я разок и смазал.

Скажете, читатель, что наивных людей, похожих на этого обвиняемого, не бывает. Действительно, не может быть, чтоб человек так валял дурака. Не может быть? Так вот слушайте.

«Вечер был, сверкали, звезды...» Как раз в это время из Москвы шел пассажирский поезд № 72. В одном из вагонов сидел малютка, который, по свидетельству очевидцев, «посинел и весь дрожал». Был малютка навеселе. Проше говоря, пьян встельку. Кроме всего прочего малютка ехал без билета.

О дальнейшем сказано в рапорте, составленном тремя контролерами поезда:

«При выяснении причин безбилетного проезда, опьяненный начал проявлять хулиганские действия, выражающиеся в следующем: «Я вас посажу, приедет в Куровскую, позвоню Антилову, он вас снимет с работы. Штраф платят только дураки... Документов я вам не дам, пошли вы... Идти я с вами не пойду. Вы со мной ничего не сделаете, а я вас с работы сниму через прокурора». Данное поведение опьяненного безбилетного пассажира вызвало возмущение всего вагона... Пассажиры просили принять соответствующие меры к хулиганствующему в поезде безбилетному пассажиру.

По прибытии на ст. Куровская данный пассажир был представлен к дежурному оперуполномоченному милиции ст. Куровская... Здесь была установлена личность нарушителя, последний оказался следователем Куровского района, Московской области, — Кабанов, Георгий Антонович...»

Этот рапорт попал в руки прокурора Куровского района тов. Павловского. Прокурор внимательно прочитал и возмутился:

— Безобразие! Возмутительно! За такие дела следователь Кабанов должен ответить!

И Кабанов ответил.

У прокурора Павловского слово не расходится с делом. Следователю Кабанову поручено было в срочном порядке расследовать свои действия и ответить управлению Ленинской дороги.

На бланке прокурора Куровского района, официально, за № 38/1129, обиженный малютка написал о том, что у него, видите ли, давно имелись подозрения на контролеров дороги: они небрежно проверяют билеты и некультурно обращаются с безбилетными пассажирами. Вот он, следователь, и поехал без билета — для проверки:

«Имея сведения о таких преступных действиях контролеров, я действительно, но принципиально отказался пойти с ними, желая видеть, что они предпримут».

И в заключение:

«Считая, что в дальнейшем такие действия ревизоров являются преступными, я прошу напомнить им о своих правах и обязанностях и в будущем их строго выполнять. В том случае, если такие факты будут повторяться в будущем, я лично как представитель государственной власти буду вынужден принять к ним соответствующие меры, вытекающие из факта совершенного преступления...»

Считаю разговор по этому вопросу оконченным».

Здорово сказано, не правда ли? Хорошо поет малютка!

«...Кто согреет и накормит, боже добрый, сироту?»

Г. РЫКЛИН

Баллада о двух ученых

Поверьте, что будет рассказ мой недолог.
Жил некий Астроном, жил некий Биолог.
И были они меж собою дружны,
Как все мы дружить меж собою должны.
Примеры таких единений нередки:
Биолог был занят строением клетки,
А мудрый Астроном свой труд посвятил
Законам движения небесных светил.
Так жить бы и жить бы обоим ученым,
Научной работой своей поглощенным,
Когда бы, гуляя по парку весной,
Не встретились оба с особой одной.
Об этой особе расскажем особо:
Весьма занимательна эта особа:

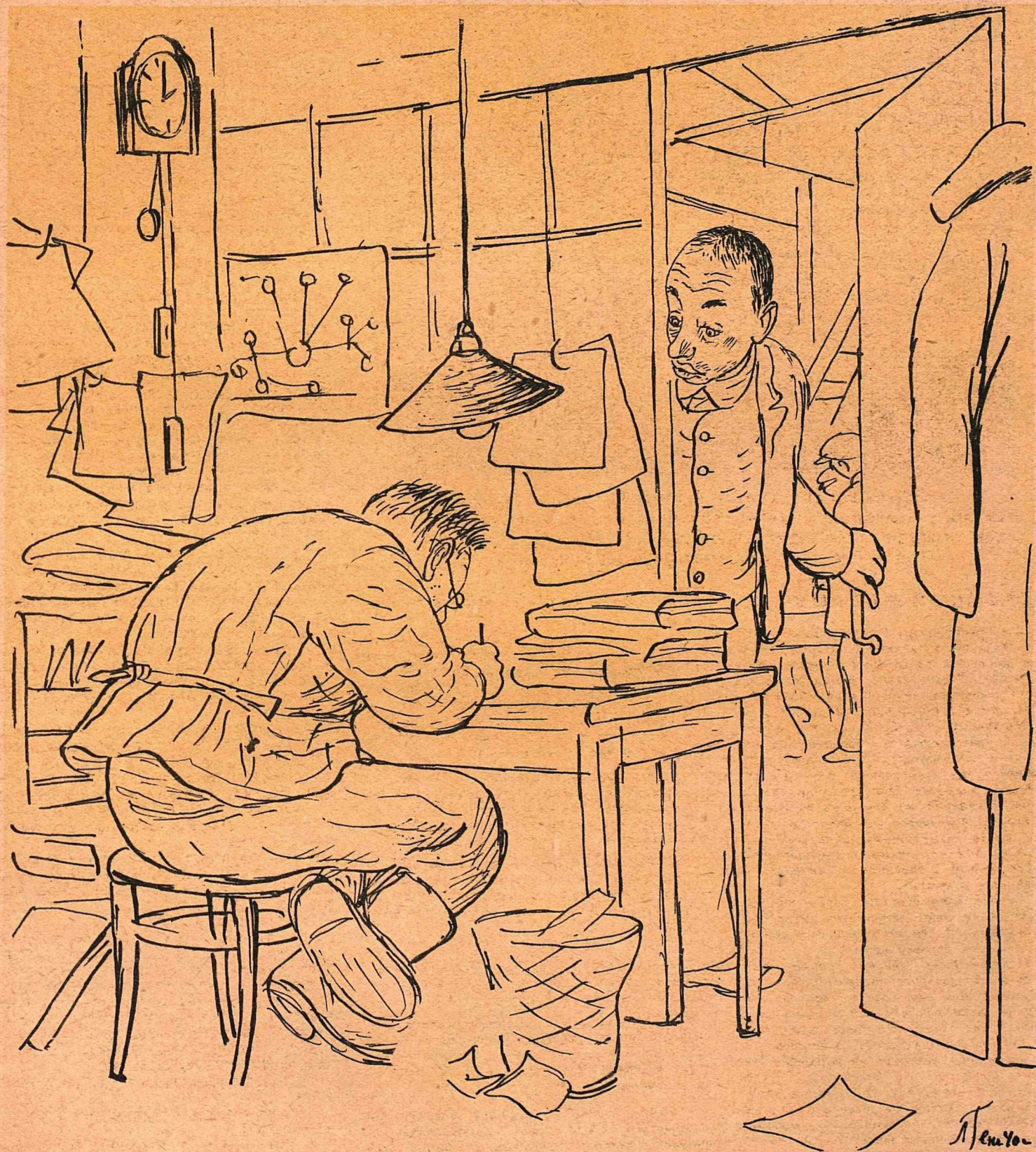
Букетик фиалок у ней в кулачке,
Веселые чортики в каждом зрачке...
Лишились ученые сна и покоя,
Когда им предстало явление такое.
Биолог в ту ночь не смотрел в микроскоп,
Астроном в ту ночь не смотрел в телескоп.
Любовную тайну поведал Астроном
На вышку к нему прилетевшим воронам,
Биолог же тайну нескромную ту
Поведал дремавшему в кресле когу.
Встречаются снова два мудрых соседа,
Не кленется долго меж ними беседа:
Биолог молчит, и Астроном молчит,
Лишь маятник «ходиков» мерно стучит...

Но так как рассказ мой и прост и недолог,
То вот нарушает молчанье Биолог:
— Скажу тебе, друг мой, тоски не тая,
Она неземная! И, значит, твоя!..
Ему отвечает угрюмый Астроном,
Слова прерывая то вздохом, то стоном:
— Блуждая по следу небесных светил,
Я многое здесь, на земле, упустил!..
И долго друг другу они изливались,
И оба жестоко они ошибались:
Пилотом моя героиня была —
Она меж землею и небом жила!

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Ленинград.

Рис. Л. Генча

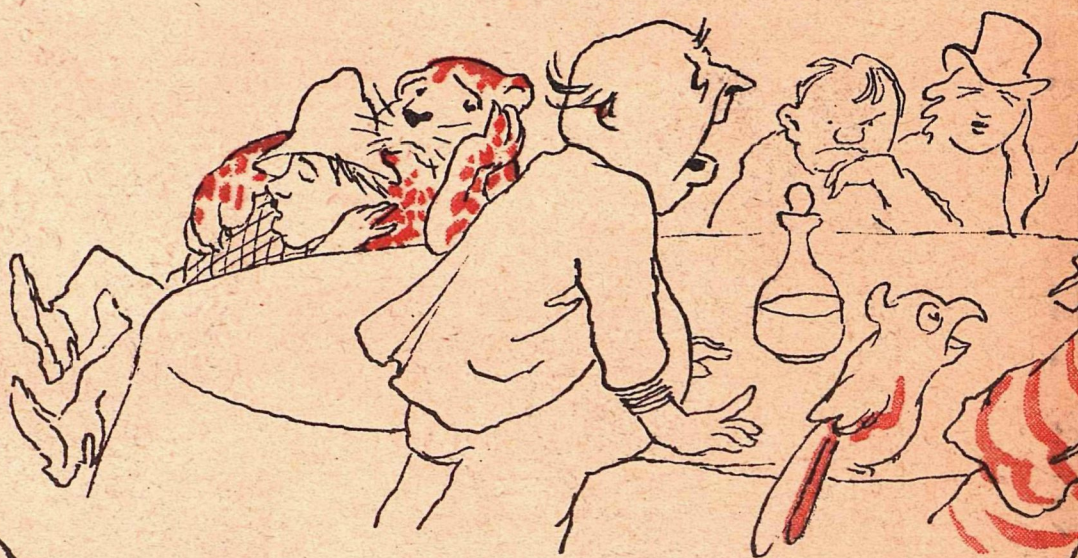
— Как дела, товарищ мастер?
— Работаем не покладая ручки.

ЭСТРАДА

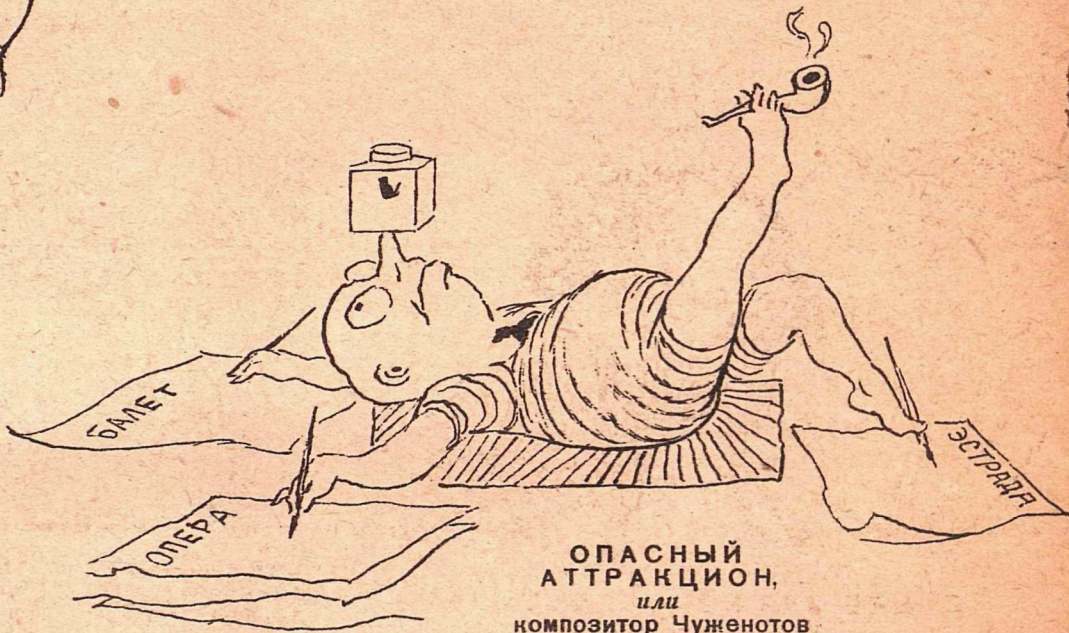
Рис. Б. Пророкова

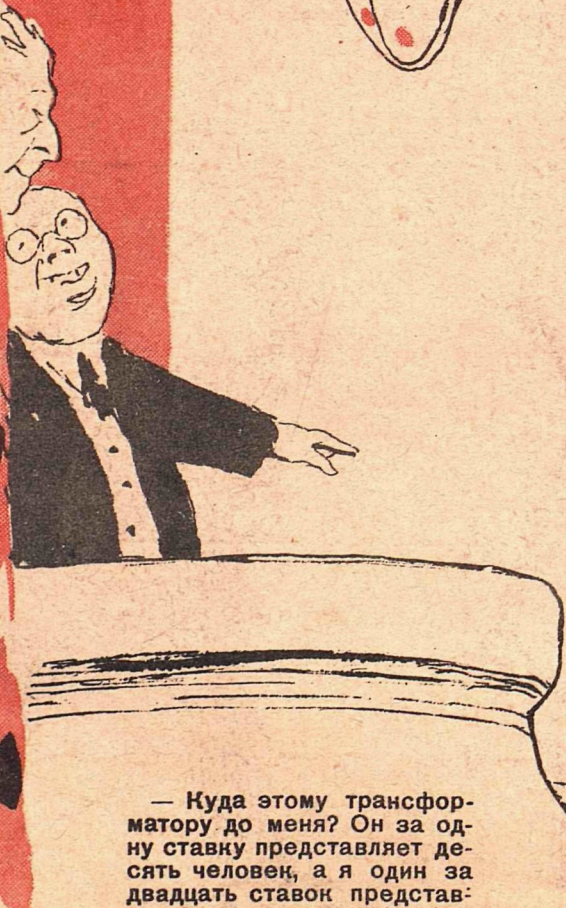
— Смотри, Вася, все смеются, один ты не смеешься!
— Мне, как представителю реперткома, неудобно. Еще подумают, что мне нравится.

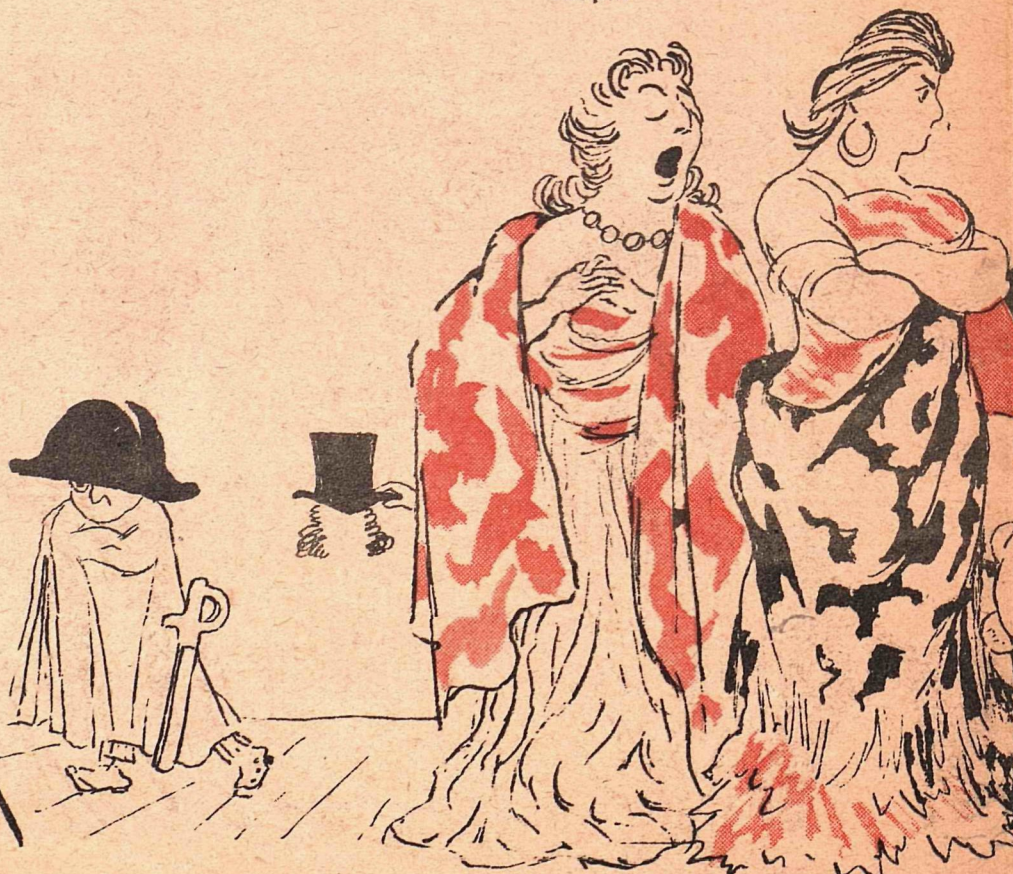
Единственный вид разговорного жанра, который ра не. Конечно, в дирекции, а не на манеже.

ОПАСНЫЙ АТТРАКЦИОН,
или
композитор Чуженотов
творит

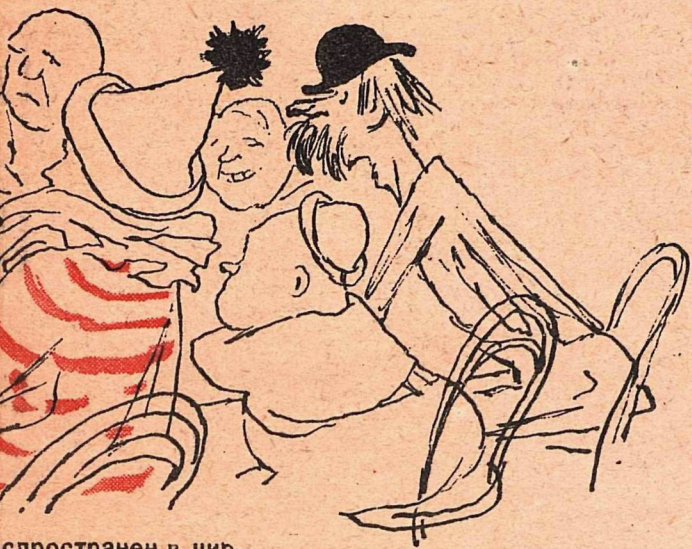

— Куда этому трансформатору до меня? Он за одну ставку представляет десять человек, а я один за двадцать ставок представляю двадцать главснабов.

В виду того, что так называемые цыганки рекомендуют прекратить эту розничную торговлю оптом.

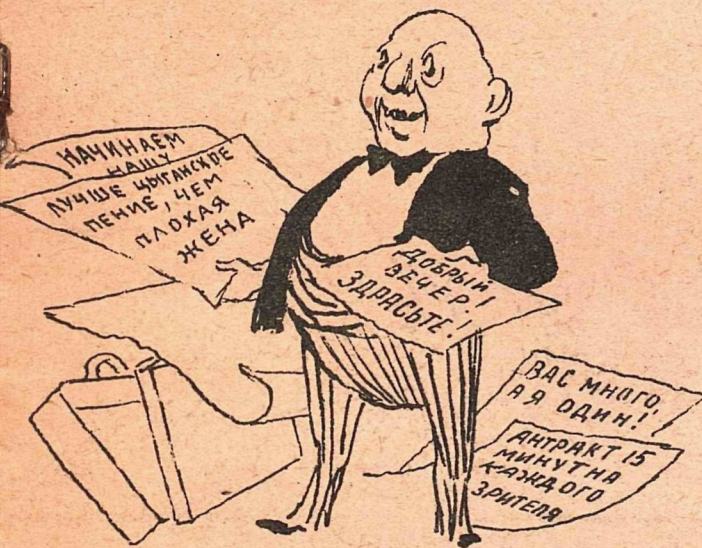
КРОКОДИЛА

спространен в цир-

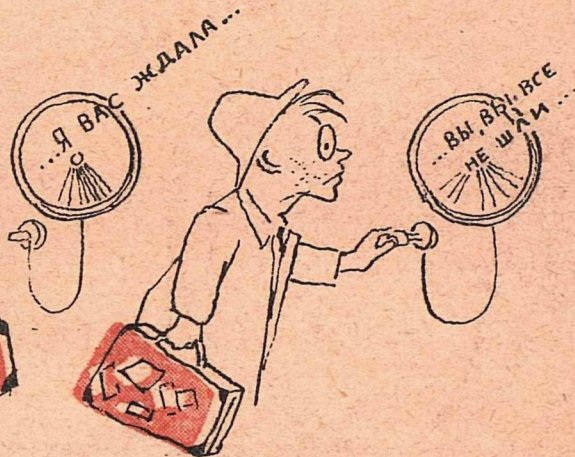
— А эти бумаги куда, Павел Петрович, в мусорный ящик?
— Ты с ума сошла! В Мосэстраду!

ВСЕ ДЛЯ КОНФЕРАНСА!
Стандартный набор

Уезжая в командировку, он выключил радиоприемник.

Вернувшись через два года, снова включил радиоприемник и дослушал романс до конца.

...ие певцы (ицы) исполняют одни и те же вещи, Крокодил ... собрать их всех в один сверхмощный хор — и пусть поют

СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ:— А теперь об'являю продолжительный антракт, после которого вы услышите новую программу студии эстрадного искусства.
КРОКОДИЛ (с места):— Будем надеяться.

Под старыми липами

ИЗВЕСТНАЯ драматическая артистка—Елена Семеновна Воеводина—сидела на скамейке в парке культуры и отдыха города Н., из которого пятнадцать лет назад она уехала молоденькой девушкой, и умилилась душой.

«Вот я и опять дома!—растроганно думала артистка.—Милый мой парк! Милые деревья! Как я рада снова видеть вас!» Ведь вот на той скамейке я мечтала о том, что теперь сбывается в полной мере... А на этой—ну, конечно, на этой—я целовалась с Колей Максимовым... Милый, милый, смешной Коля! Толстогубый, неуклюжий, в таких вот очках. Где он теперь, Коля Максимов?»

Елена Семеновна взглянула на синее, такое широкое и такое нежное небо и с головой погрузилась в теплый омут воспоминаний.

«А, может, это плохо, что я не вышла замуж за Колю Максимова?—думала известная артистка.—Жили бы здесь без огорчений, без тревог, были бы счастливы...»

Улыбаясь своим мыслям, Елена Семеновна небрежно откинулась на спинку скамейки. Раздался треск, и вслед затем известная артистка, взвизгнув, упала навзничь.

Быстро вскочив и оправив юбку, Елена Семеновна обнаружила, что скамейка, на которой она сидела, совершенно гнилая. Артистка пересела—с осторожностью—на другую скамейку и попыталась вновь предаться волнующим

воспоминаниям, но—увы!—ее настроение было испорчено нелпым падением.

«Безобразие все-таки!—раздраженно подумала артистка.—Неужели нельзя сделать прочные скамейки? И вообще парк, товарищи, страшно запущен».

Парк города Н. был действительно запущен. Даже неизменная гипсовая лодочница, со свирепой грацией опирающаяся на свое весло,—и та была вся черная, грязная, хотелось взять ее за руку и отвести в баню. На правой голый коленке лодочницы большими буквами было написано неприличное слово.

«И клумбы страшно жалкие,—думала Елена Семеновна,—цветы какие-то малокровные. Вот пойду сейчас к заведующему парком и изругаю его».

А, впрочем,—продолжала размышлять Елена Семеновна,—зачем, товарищи, мне это нужно? Завтра я отсюда укачу и бог знает когда приеду снова!»

Подумав так, она встала и пошла... прямо в контору парка культуры и отдыха города Н.—Заведующий у себя?—спросила Елена Семеновна секретаршу, худощавую девицу, похожую на испуганную овцу своим беспрофильным лицом.

— У себя. Пройдите,—сказала девица.

Елена Семеновна вошла в хорошо убранный кабинет. За большим письменным столом сидел и читал газету полстогубый, толстый, лысеющий мужчина в очках.

— Коля!—вскрикнула артистка.—Товарищи, смотрите, это же действительно Коля Максимов! Николай Сергеевич, здравствуйте!

— Простите,—сказал, поправляя очки, заведующий парком культуры и отдыха города Н.—Простите, я вас не узнаю... Боже мой, Леночка! То есть, Елена Семеновна! Какими судьбами? Когда?

Он тяжело поджался и взял обе руки артистки в свои большие потные руки. Они сели на диван и заговорили, как всегда бывает в таких случаях, о разных пустяках. Потом наступила пауза. Бывший Коля вздохнул, посмотрел на Елену Семеновну увлажнившимися глазами и сказал:

— Да-а, такие-то дела, Леночка!.. То есть, Елена Семеновна. А помните, как мы с вами в этом же парке, пятнадцать лет назад на одной милой скамейке... того... цело... то есть сидели? Помните?

— Я сегодня шлепнулась с этой милой скамейки. Так стыдно было.

— Как это—шлепнулась?

— Так. Спинка у скамейки обломилась. У меня такое впечатление, что ее с тех пор не ремонтировали. Кстати сказать, я ведь пришла изругать вас, как собаку.

— Меня? Как собаку?

— Как последнюю собаку, Коля, то есть Николай Сергеевич. Город так вырос—узнать нельзя. А парк, товарищи, абсолютно запущен. Лицо бывшего Коли стало кислым.

— Бюджетные возможности,—сказал он, пожимая покатыми, бабыными плечами,—в пределах отпущенных лимитов делаем, что можем. В общем это скучная материя, Леночка, то есть, Елена Семеновна... Да-а, пятнадцать годков! А помните, как мы бродили по этим дорожкам и мечтали, мечтали, мечтали...

Они совершенно не подмечают, эти дорожки. Всюду мусор, окурки. Вы бы вышли из кабинета помечтать, то есть посмотреть.

— Выйти из кабинета!—горько усмехнулся заведующий парком культуры и отдыха города Н.—Когда? Вы знаете, какая у нас сейчас горячка? Мы же разрабатываем план увеселительных мероприятий на третий квартал. Впрочем, это скучная материя... Да-а, бродили, знаете, и мечтали... Поздно вечером. Помните, Леночка? Луна, белые статуи...

— Кстати, о статуях. У вас там эта дура с веслом стоит, так у нее на правой коленке химическим карандашом написано неприличное слово. Скажите, чтоб смыли.

Толстое лицо бывшего Коли некрасиво искривилось:

— Елена Семеновна! Ей-богу, голубка, это скучно. Не выделюсь пятнадцать лет, а вы меня... вроде как ревизуете. Может, вам жалобную книгу дать?

Елена Семеновна вдруг почувствовала веселую озорную злость. Толстогубый, скучный, совершенно чужой ей человек сидел рядом с ней на диване и недовольно сопел.

— А стоило бы про вас написать,—сказала артистка, поднимаясь,—и не в жалобную книгу, а в газету.

— Пишите,—махнул рукой бывший Коля,—пишите... Лишний раз сегодня убедился в том, что лирика, знаете ли,—чуждое понятие для современной женщины.

— Вы так думаете?—сказала артистка.—Возможно. До свиданья!

Она с легким свращением покала потную ладонь заведующего парком культуры и отдыха города Н. и вышла. Натягивая перчатки в канцелярии, Елена Семеновна слышала, как бывший Коля говорил девице, похожей на испуганную овцу:

— Приезжают всякие... Фыркают носом.

«Боже мой!—думала артистка, быстро шагая по теннисной аллее к выходу.—Неужели я час назад жалела, что не вышла за него замуж? Нет, нет, товарищи, не может быть!»

И ей казалось, что древние липы с деликатностью старого друга шепчут ей на ухо:

— Было, Леночка, было. Но мы никому не скажем.

Леонид ЛЕНЧ

Рис. Л. Сойфертиса

— Почему вы ничего не делаете?

— Я уже все сделал, даже составил ведомость в трех экземплярах.

— Так сделайте еще три экземпляра. Нельзя же в служебное время лодырничать.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ два случайных посетителя сошлись за одним пивным столиком. После второй полдюжины они разговорились о любви.

— Да, любовь — сложное чувство.

— Сложное и дурацкое, — добавил более пожилой, — шут бы его подрал. Из-за любви этой под суд вот угодили. Да, да... Как, как? Очень обыкновенно. Я главбух. И вот наднях подходит ко мне счетовод Котовщикова и просит уволить ее. Задумала куда-то перекинуться. Я говорю: «Вы же знаете: теперь это запрещено». А она говорит: «А вы напишите, что я не справляюсь с работой». Я возражаю: «С работой вы справлялись. Разговор окончен». Глядит она на меня злыми глазами. «Ну, — думаю, — будет она теперь меня ненавидеть». Прихожу завтра. Кто-то мне цветы на стол поставил, и чернышница розовой ленточкой перевязана. Сослуживцы смеются: «Это за вами Котовщикова ухаживает». А Котовщиковой лет сорок, на весь зоосад похожа. Есть, знаете, такие, которые, кажется, никогда восемнадцатилетними не были, а сразу им сорок стукнуло. Дальше — больше. В столовой, в обеденный перерыв, воздушные поцелуи мне шлет. Я требую: «Прекратите это!» А она: «А если я вас люблю? Во внеслужебные часы я могу любить». До дому меня провожает, письма мне любовные шлет, открытки с изъяснениями. А у меня жена, дети... Скандал!

— Ну, не выдержал... Попросил начальника уволить ее. Говорю, не справляется. А теперь разобрались. Меня под суд... Да еще, говорят, у вас с Котовщиковой какие-то любовные шашни были. У меня!

Главбух мрачно закачал головой.

В. ТОБОЛЯКОВ.

— Какая ужасная вещь — старость! Я уже не гожусь для роли пятилетней Ляли в новой кинокартине „Зайчик-негодяйчик“.

Из жизни товарища Сердюка

А ВСЕ-ТАКИ тов. Сердюк выполнит план. Конечно, трудно, потому что летом наша Сысойка пересыхает. А все-таки раз тов. Сердюк дал по подведомственной ему станции Освода наметку вытащить на берег трех человек, так обязательно вытащит.

У него характер не разрешает давать меньше ста процентов. Вы человек приезжий, а любого сысойского гражданина спросите: может, Рояльд Трофимович подкачает? Всякий ответит: нет, Рояльд Трофимович не подкачает.

И факты приведут из, так сказать, туманного прошлого и из современной эпохи. Какие факты? Назначили, например, тов. Сердюка председателем артели «Трудовой зонтик». Еще тогда его сам тов. Уклекин, заместитель председателя горсовета, спросил:

— Вытянешь, Рояльд?

— Факты покажут, товарищ Уклекин.

Вытянул. Первый месяц — бах! — сто два процента. Второй месяц — бац! — сто четыре.

И тут как раз получилась неувязка. Дело в том, что между Уклекиным и Стефанидой Павловной, машинисткой, намечалась в некотором роде взаимная любовь. Как это говорится: «Она его за должность полюбила, а он ее за уважение к ней». Ну, и пошли они погулять. Дождь! Тов. Уклекин распускает зонт. А тот слегка пропускает влагу. Уклекин поворачивается к Стефаниде Павловне и видит: она натурально зеленого колера. А Стефанида Павловна, в свою очередь оглянувшись, поразилась: зампред, а абсолютно синий.

Краска семь дней не сходила. Только меняла оттенок. На другой день зампред стал гнедым в яблоках, а машинистка — желтой. Потом зампред — брусничным с искрой, маши-

нистка — пегой. Сгоряча, конечно, Сердюка сняли. То есть не то, чтобы сняли, а перебрали. Как раз тогда в Сысойке функционировали курсы переподготовки. Принял Сердюк дела, видит с русским языком плохо.

Сердюк подумал и пошел на урок. Застукал. Знаете, что учитель диктовал? Точно не помню, но там какой-то гражданин выходит один на дорогу, ночь тиха, и, обратив внимание, пустыня внемлет богу.

Ну, Рояльд Трофимович тихонько остановил диктанта. Это что же, говорит он, какие вы, извиняюсь, выколачиваете тенденции? Ну, ладно. Пускай выходит гражданин один ночью на дорогу. А пустыня? Какая это пустыня внемлет богу? Наша? Нет, не наша это пустыня.

Словом, отчитал, а потом дал настоящий диктанчик. «В ответ на ваше отношение сообщаем, что ширпотреб, следуемый вам по линии облснаба, согласно циркулярного предуведомления, заадресован райторгом».

Все, конечно, расцвели. Сами понимаете: после пустыни в некотором роде оазис. И успеваемость получилась сто один процент. Многие поразились: как это сто один? Но подсчитали, выходит верно.

Только учитель добрался до Москвы, шум поднял, накрутил что-то такое, и пришлось Рояльда Трофимовича снять. То есть не снять, а перебросить. Как раз в драматическом театре получился некоторый застой. Сердюка — туда. Явился он и сразу — бац! — в репетиционный зал. Там стоит актер и орет: «Быть или не быть — вот в чем вопрос».

Ну, ладно. Приходит на другой день. Опять: «Быть или не быть — вот в чем вопрос».

А зарплата, заметьте, идет.

На третий день опять тот же самый вопрос. Сердюк, конечно, вызывает режиссера и вежливо, но решительно заявляет:

— Пора с этим вопросом кончать и переходить к текущим делам. Вот вам пьеска тов. Уклейкина, нужно ее проверить.

Пьеска, между прочим, хорошая. С одной стороны, в некотором смысле любовная, а с другой — деловая. В общем там одна молодая домашняя хозяйка случайно у мужа на столе видит список сотрудников вверенного ему учреждения. Прочитывает и говорит ему:

«Ты штаты раздувать желаешь»

И тем любовь мою теряешь».

А он: «Я понял все, увя! увя!»

Она: «Поняли поздно это вы».

Очень хорошая пьеска. А режиссер заартачился: мол, мы уж столько времени «Гамлета» репетируем и призрака специально наняли. Сейчас увольнять его неудобно.

Тогда Сердюк сам поставил пьеску. Очень хорошо получилось. На репетиции все руки жали, а тов. Уклекин даже прослезился.

Ну, конечно, театр пошел в гору. Организованный зритель прямо пер на этот спектакль.

Но только вышло постановление насчет ликвидации целевых спектаклей. Товарищ Сердюк прямо сказал: «Я, говорит, с этим мероприятием несогласен. С другими мероприятиями со всеми согласен, а это, извините, одобрить не могу».

Вскоре Сердюка пришлось снять, то есть не снять, а перебросить. Выдвинули его начальником Освода. Думаете, подкачает? Нет, уважаемые товарищи! Как дал обязательство вытащить трех человек, так и вытащит. Такой он человек!

А. ШАРОВ

— То, что публика не ходит на спектакль, понятно: пьеса плохая.
Но зачем пришли эти двое?
— А как же! Ведь это автор с супругой.

Наш сосед

Наш невежливый сосед
Сквернословил много лет,
А теперь — должны отметить —
Стал скромнее всех на свете.
Мы спросили: «В чем секрет?»
И услышали ответ:
«Никакого нет секрета.
После строгого декрета
У него теперь — двоята».

Н. КОЛЕСНИКОВ

Рис. В. Горяева

— Ваши карточки неготовы. Но вы не беспокойтесь, вам сейчас из готовых что-нибудь подберем.

Встреча

Что может быть приятней, дорогой читатель, встретив знакомого, иметь все основания сказать ему с полной искренностью, совсем не ради комплимента:
— Как вы изменились! Поправились! Похорошели! Не узнать!..

* * *

Я отправляюсь в небольшую прогулку за свитчками. На крышах первый снег. На тротуаре первая гололедица.

Прохожий (по меткому выражению Пушкина),—

«...ступая бережно на лед,
Скользит и падает».

— А, ч-чорт!..— ворчит он, спеша принять вертикальное положение. Перехватив мой взгляд, поропливо добавляет:

— Извините, это я не вас...

— Гололедица,— сочувственно говорю я,— пора бы песком посыпать.

— Что вы, что вы! Не подумайте, что я дворника чортом... Это я про себя: а, ч-чорт, не глядишь под ноги, вот и свалился... До свиданья! Счастливо!..

Он козыряет, поворачивая за угол.

Я захожу в магазин.

— До свиданья! Счастливо! — слышу откуда-то из глубины и невольно ищу глазами жертву гололедицы, недоумевая, как он успел проскочить мимо меня.

Но это не он. Это возле кассы.

— Вы последняя?

— Будьте добры. Последняя.

— Вот приятно!

— Извиняюсь, гражданочка, толкнула...

— Пожалуйста. Какие извинения? Тут и не хочешь, а толкнешь.

— Нет, все-таки извините, я извиняюсь. Бывает, и жарочно... Бывает, пхнет хулиганка, да и тебя же еще обдаст...

— Ну что вы, право! Я же вижу, вы женщина культурная, надели шляпку и вполне прилично...

— Выбейте два сорок за брюкву.

— Будьте любезны. Держите чек за брюкву. Копеечка за мною...

— Ну, что за счеты!

— Виноват, я, кажется, вас...

— Простите...

— Граждане, лучше бы там не пускать без очереди!

— Помилуйте! Кто? Где? Разве я полезу без очереди! Это прежде, бывало, лезут да еще и ругаются...

Размахисто шагая, будто по качающимся Карпатским горам, к прилавку «Штучные товары» подходит гражданин.

— Спокойно! — объявляет он во всеуслышание. — Выпил, но не выражаюсь! Четвертинка есть? Прошу получить сполна. Душевно признателен!

Быстро сунув бутылку в карман, он в полном порядке шествует обратно к выходу:

— Спокойно! Никого не касаюсь и без выражений...

Все расступаются, а кто-то замечает вслед:

— Вот и правильно. А то распустились: на копейку выпьет — на рубль пьян!

— Спокойно! — слышится уже за дверью после неожиданного грохота: это неустойчивый гражданин промахнулся мимо ступенек.

Но быстро выравнял равновесие и движется по тротуару, натываясь на стену и всякий раз галантно раскланиваясь:

— Прошу извинить... Нечаянно...

Во дворе своего дома я слышу детские голоса:

— Валька! Теперь ты будешь хулиганом, а Колька — дежурной камерой.

— Ладно.

— Начинай!

— Дурак!!!

— А ну, пойдем в отделение!

Увидев меня, Валька улыбается:

— Здравствуйте, дяденька! Это я ругаюсь не взаправду: мы играем.

* * *

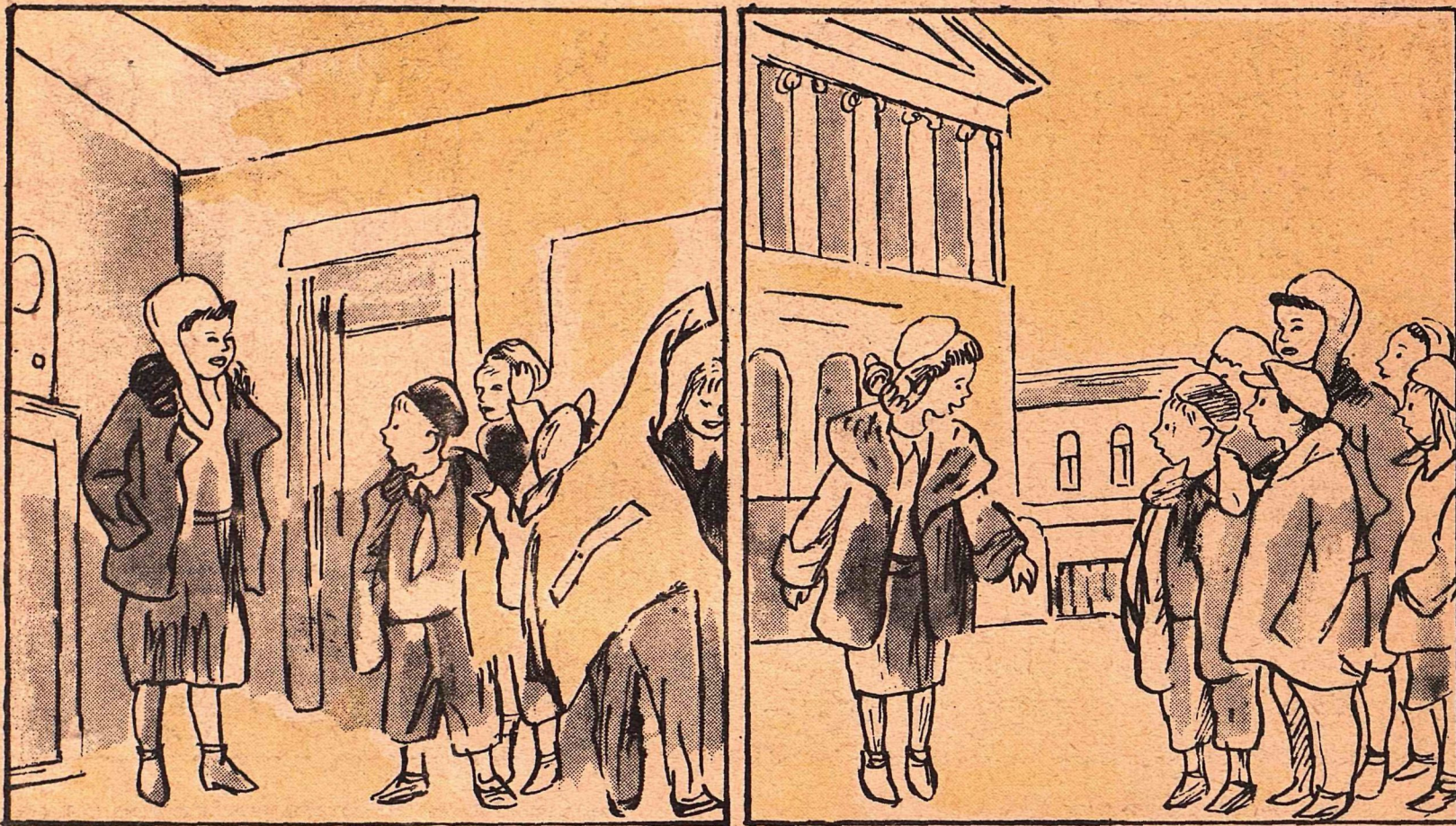
— Вы ли это?! Как изменились! Поправились, похорошели! И голос совсем другой! Очень, очень приятно!

Ив. ПРУТКОВ

— Ну, теперь можете начинать заседание кабинета министров.

— Подождем. Еще не все в сборе. Вот приведут министра юстиции, тогда можно будет начинать.

В пионерский отряд пришла новая вожатая — Лидя.
— Ребята, — сказала она, — начнем наше знакомство с культпохода в музей.
И повела отряд в музей.

У музея их встретила вожатая Тоня. Она сказала:
— Ребята! Только что меня назначили вожатой к вам в отряд вместо Лиды. Начнем наше знакомство с культпохода в кино.
И повела отряд в кино.

Кстати о медицине

Наука о медицине не топчется на одном месте. За короткий отрезок времени — за 2400 лет со дня рождения Гипократа, основоположника научной медицины, — достигнуты значительные успехи.

В течение долгих веков человечество безуспешно билось над проблемой, какую руку считать левой и какую — правой. Где у нас уверенность, что в свое время, когда рукам присваивали звание, не произошла ошибка и левая рука на самом деле является правой?

Эту важнейшую проблему решили скромные работники Немской амбулатории, Кировской области.

Фельдшер амбулатории Царегородцев выдал уборщице районной газеты Ксении Зыковой официальную справку, что она освобождается от тяжелой работы на три дня в связи с болезнью левой руки. Между тем Зыкова жаловалась на боли в правой руке. Редакция газеты, естественно, вернула справку обратно в амбулаторию. Тогда Царегородцев выдал новую справку о том, что Зыкова, в связи с болезнью правой руки, освобождается вовсе от какой бы то ни было работы.

Когда редакция обратила внимание на явное несоответствие документов, выданных в один и тот же день, немедленно последовал третий документ: Зыкова, оказывается, совершенно здорова и может выполнять любую работу.

Важность опыта Немской амбулатории трудно переоценить. Отныне даже скептики поймут, что обе руки у человека одинаковы и должны пользоваться равными правами.

Товаровед Ивановского облпотребсоюза Михаил Смирнов, не будучи в курсе последних достижений медицины, письменно продемонстрировал свою полную беспомощность.

Посланный своим начальством в соседнее учреждение, Смирнов таинственным образом исчез и явился на службу только на четвертые

сутки. Опрошенный по сему поводу Смирнов письменно пояснил:

«Невыход на работу объясняю своей болезнью. Я на работе почувствовал себя плохо и решил пройти на свежем воздухе и по пути разрешить вопрос о сетях в Ткацкоузе. Но вопрос о сетях не разрешил, так как знающих товарищей в Ткацкоузе в это время не оказалось, я тогда пошел в квартиру лечиться (выпивать), это продолжалось и 7 числа, а 8 числа выхаживался валерьяновыми каплями из амбулатории. Просил бюллетень, отказали. От этой болезни бюллетень не дают».

А между тем все было бы в порядке, если бы Смирнов проявил хоть малейший интерес к тому, что делается вокруг, если бы он хоть на денек съездил в Каменский медпункт, Витебской области.

В означенный медпункт обратился шофер колхоза «Червоный борец» Хоняк. Он по ошибке влил горючее (40%) в горловую карбюратор, сел на неисправную автомашину и прокатил своих приятелей так, что приятели недо считали нескольких зубов и ребер, а машина — двух колес.

Заведующий Каменским медпунктом фельдшер Бурленко, недолго думая, выдал Хоняку охранную грамоту, что «при обследовании состояния оказался трезвый».

Чтобы не было никакого разночтения и чтобы никто не сомневался в объективности его медицинского заключения, Бурленко подкрепил справку обширным комментарием:

«Мною, фельдшером Бурленко был освидетельствован шофер к-за Червоный Боред Лепельского района Хоняк Александр Яковлевич 8½ часов вечера в Каменском врачебном пункте.

Причем при обследовании от шофера

Хоняка из Орта запах был луку с чесноком. Нервное состояние было сильно узвалановано, глаза были разсвирипелые. Установить состояние его я не мог. Поэтсму я и выдал справку, что он был трезвый. Хотя он и был выпивши но скорей всего он заел луком, и чесноком в следствии чего степени трезвости оп-ределить я и не мог».

Едва ли в медицинской литературе известен другой, более исчерпывающий и обстоятельный диагноз!

С Бурленко может сравниться разве только врач Ишеевской больницы, Куйбышевской области, Остроумов.

Из истории города Глухова известно, что тамошний эскулап наотрез отказался высказать свое мнение по поводу отделения головы градоначальника Брудастого от туловища на том, мол, основании, что «тайна строения градоначальникова тела науку неизвестна».

Ишеевский врач Остроумов, наоборот, утверждает, что для него нет никаких тайн. Если человек здоров, — это не значит, что он не болен. Если человек симулирует болезнь, — это не значит, что он может работать.

Опрокидывая устаревшие каноны медицинской диагностики, ишеевский врач Остроумов выдал Зинаиде Шарафудиновой листок о нетрудоспособности № 20417, в котором с удивительной точностью поставил первичный диагноз: «Здорова» — и заключительный диагноз: «Симуляция», — на основании чего и освободил Шарафудинову от работы.

* * *

Стараниями Остроумова, Бурленко и других медицина обогащена новыми успехами, о чем мы считаем долгом информировать Наркомздрав.

Е. ВЕСЕНИН

У кино их встретила вожатая Валя.
— Ребята, — сказала она, — я ваша новая вожатая вместо Тони. Начнем наше знакомство с культпохода в зоопарк. И повела отряд в зоопарк.

У зоопарка их встретила вожатая Лидя. Она сказала: — Ребята! Меня опять послали к вам вместо Вали. Итак, продолжим наш культпоход в музей. А у музея...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Город Вязьма, как тебе известно, окружен со всех сторон лесами. Когда же потребовалось отремонтировать городскую электростанцию, исполком попал в затруднительное положение и не знал, где именно можно раздобыть лес.

Чтобы не утомлять себя долгими поисками, Вяземский комхоз с разрешения исполкома малость порубил парк при льночесальной фабрике.

Рабочие нашей фабрики, для которых парк — излюбленное место отдыха, в тревоге. В самом деле, еще один такой ремонт электростанции — и рабочие останутся вовсе без парка.

П. ВЕДЕРНИКОВ,

директор льночесальной фабрики
г. Вязьма,
Смоленской области.

Уважаемый Крокодил!

Психологи утверждают, что профессия накладывает на человека свой отпечаток. Они, несомненно, правы. Вот тов. Штатова, например. Будучи народным судьей, она не представляет себе, как можно

жить, не применяя мер пресечения. Недавно я получил от нее следующую телефонограмму:

«Народный суд 8-го участка Железнодорожного района просит выслать одного народного заседателя для участия в судебном заседании...»

В случае неисполнения данной телефонограммы и за срыв судебного заседания вы будете оштрафованы.

Народный судья Штатова.

Теперь меня не удивит, если на каком-нибудь судебном заседании с участием Штатовой народные заседатели будут окружены конвоем: это их «привлекла» к общественной работе решительная Штатова.

П. ИВАНОВ,

председатель правления артели
«Красный кооператор»
Москва.

Дорогой Крокодил!

У нас в Колпино есть артель «Швейник». Артель — как артель. Нельзя жаловаться. И заказы иногда выполняет в срок. И порой не очень уродует фасоны. И даже для лучшего обслуживания населения производит срочную утюжку

верхнего платья в присутствии заказчика. Но пользоваться услугами артели «Швейник» может решиться только человек-невидимка. Обыкновенный же человек, пожелав отутюжить свой костюм, вынужден на длительный срок остаться, извините, в трусиках в общей комнате, где его поневоле должны обзирать приходящие заказчики, а равно и заказчицы.

Ввиду этого приходится пожелать, чтобы для дальнейшей успешной работы и процветания артели «Швейник» в Колпино поселилось побольше людей-невидимок или, в крайнем случае, в помещении артели было устроено специально отгороженное место для ожидающих своего заказа колпинцев, которые не обладают способностью превращаться в человека-невидимку.

Н. НОВИКОВА

г. Колпино,
Ленинградской области

Дорогой Крокодил!

В цирке я однажды видел такой фокус: простое куриное яйцо на глазах у публики превратилось в живого голубя, голубь, наоборот, —

в дамский зонтик, а зонтик — обратно в яичницу-глазунью...

Но вот не фокус, а факт — кусок живой действительности. Недавно воронежская контора Главвторчермета отгрузила в адрес Сталинградского тракторного завода вагон железного лома. Когда он прибыл на место назначения, оказалось, что вагон нагружен не железом, а чугуном. Ввиду этого вагон переправили Краснодарскому чугунолитейному заводу «Краснолит». Но в пути произошло очередное превращение: «Краснолит» признал, что прибывший груз представляет собой не чугун, а, наоборот, лом железа. Ввиду этого они переадресовали его нашей краснодарской конторе...

Вагон № 1062155 до сих пор еще, кажется, странствует. Дальнейшая его судьба мне пока неизвестна. Но скажу по совести: если б завтра оказалось, что железо превратилось в саксонскую шерсть, а сталинградские и краснодарские приемщики разучились отличать трактор от детской соски, я не стал бы больше удивляться. Всякое бывает!

И. СОЛОДКОВ

г. Воронеж.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во «Правда».

А 33864. Москва. Изд. № 1253. Сдача текста и рисунков 29/XI 1940 г. Подписано к печати 6/XII 1940 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 4210. Тираж 271 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

34

ЮГ
40

— Ваше святейшество, вы уронили ключ от царствия небесного.
 — Чорт с ним! Зато ключ от бомбоубежища у меня.

13/III

13/III

13/III